

Такие испытания
выпадают лишь красивым

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ВЕРНАЯ
НЕВЕРНАЯ

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

Владимир Григорьевич Колычев
Верная неверная
Серия «Колычев.
Любовь зла и коварна»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22219142

Верная неверная / Владимир Колычев: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-92830-9

Аннотация

Думала ли Юля, оставшись круглой сиротой, что не минует ее эта горькая женская участь: любить одного, а жить с другим. Клим – прошедший войну, работающий, надежный. Кто, как не он, должен быть в ее сердце? Но повстречался Юле на пути Дима, сын директора школы, начинающий предприниматель. И влюбилась она в него – как в омут с головой, бросила и мужа, и ребенка. Но беда подстерегает даже удачливого. Дима украл у бывшей любовницы деньги, хотел начать новую жизнь, но «попал под раздачу». Избили его бандиты до полусмерти, ограбили, угнали машину, и вдобавок – на Юлю глаз положили. Туго бы ей пришлось, не вмешайся в дело Клим, бывший афганец и по совместительству... обманутый муж.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Владимир Колычев

Верная неверная

© Колычев В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Часть первая

Глава 1

Резкие, косые прочерки автоматных очередей простреливали воздух с двух сторон. Они пересекались на большом камне, выбивая из него мелкие осколки, которые больно впивались в лицо. Клим страшно рисковал, поднимая голову, но и сидеть, не высовываясь, никак нельзя. Не будешь отстреливаться, «духи» подойдут совсем близко, и тогда все. У него СВД, двоих он уже уложил, может, еще и третьего, если повезет, завалит. Но это край. Минут пять осталось, максимум десять. Тут и «вертушки» не спасут: слишком уж близко подобрались «духи»...

Рядом, в зазор между камнями, с глухим стуком что-то упало. Клим не стал смотреть, что это было. Даже сквозь drobный треск перестрелки слышно, как прогорает в запале пороховой замедлитель. Если слышно, значит, граната совсем рядом. Сейчас рванет!..

Клим открыл глаза и оглох от тишины. Он лежал на остывшей, но все еще теплой печи, прямо над головой – деревянный потолок. Чуть в стороне поскрипывал подоконник – то ли ветер его цепляет с той стороны, то ли домовой играет. Дом старый, деревянный, он живет своей жизнью.

Клим глянул на часы. Так и есть, половина пятого утра. За окном еще темно, но ему пора подниматься. Сельская жизнь – она такая: лежа на боку, много не поработаешь. Да и нет у него желания залеживаться на печи. Три года в зиндане провел, насиделся в тесноте – на всю жизнь хватит.

Он помнил, как рядом с ним взорвалась граната, изувечив лицо. И пуля в ногу попала, кость перебила. «Духи» взяли его в плен едва живого. Могли бы и добить на месте, но Климу повезло... Это он сейчас так считает, что повезло. А в зиндане в голову лезли совсем другие мысли. Там Климу хотелось умереть...

Он сбежал из плена, вышел к своим, пару месяцев провел в госпитале, а потом вернулся домой – с изуродованным лицом. Устроился на работу в колхоз. Мужики ничего, относились с пониманием, а бабы косились на него, шушукались. Кто-то брезговал, кто-то жалел, но никто не оставался равнодушным к его уродству. Так и жил, пока не обзавелся собственным фермерским хозяйством. Купил за бесценок дом на выселках, возродил из пепла списанный трактор. Вспахал на нем землю, засеял, собрал урожай. Видно, Бог воздал ему за страдания, земля уродила богато. Только вот трактор сломался. А землю снова нужно пахать. Движок нужно перебирать, поршни менять и кольца, а дело это непростое. Но ничего, Клим справится. И землю вспашет... Он сильный, он справится. А одиночество его не пугает. Он к нему привык...

Клим спустился с печи, встал на обе ноги, и гнилая по-

ловица с хрустом проломилась под ним. Он лишь усмехнулся, ничуть не раздражаясь. Он жив, деньги на новые доски у него есть, руки откуда нужно растут, а главное, дни впереди длинные – с раннего утра до поздней ночи. Разберется с трактором, вспашет землю, а ближе к зиме займется домом. В свое удовольствие.

* * *

Капли дождя стучали о подоконник, разбавляя гнетущую тишину, которая, казалось, давила на одеяло, утяжеляла его. Эта тишина мешала спать. Юля лежала с закрытыми глазами, но уснуть не могла. Мамы нет, она ушла к другому, сбегала от отца, от дочери. Она ушла, после нее осталась только тишина. Юля знала слова, которые она должна сказать маме, если та вдруг вернется. Она скажет все, что про нее думает. А может, не надо ничего говорить? Вдруг мама обидится и снова уйдет? А она не хотела ее терять.

Слуха коснулся неприятный звук – то ли ветер в проводах запутался, то ли кто-то простонал сквозь зубы. Что, если это папа не смог сдержать свою боль?.. Юля не хотела выходить из комнаты. Вдруг с бабушкой Клавой столкнется, а у нее такой слезливый взгляд. И голос приторный. Назовет «бедной деткой» и посмотрит так жалостливо.

И все-таки Юля вышла из комнаты. Отца она увидела на кухне, он сидел за столом, низко опустив голову, рядом сто-

яла его мама – крупная пожилая женщина в халате поверх ночной рубашки. Обычно собранные в гулю волосы сейчас были распущены.

– Поплачь, легче станет, – сказала бабушка, с грустью и болью глядя на сына.

– Сколько уже плакал. Не становится легче, – всхлипнув, сказал он.

– Не надо плакать! – мотнула головой Юля.

Она и сама уже собиралась расплакаться.

– Не буду. – Папа козырьком приложил ко лбу ладонь, чтобы Юля не видела его слезы.

– Не надо! – Девочка просительно сложила на груди ладошки.

– Не будет, бедная детка, не будет. – Бабушка обняла ее, отвела в комнату, уложила в кровать.

– Я не бедная детка, – мотнула головой Юля.

– Нет, конечно...

Бабушка села прямо на пол. И нежно гладила Юлю по волосам до тех пор, пока та не уснула.

А утром Юля узнала недобрую новость. Оказывается, ее отец ушел искать маму. Ушел и пропал. Бабушка рассказывала об этом дрожащим голосом, и слезы текли из ее глаз.

– Значит, мама ушла далеко. И папа долго будет ее искать. Чем дальше она ушла, тем дольше он будет ее искать.

– Очень далеко ушла, – всхлипнула бабушка. – Очень далеко.

– Папа обязательно ее найдет.

– Вернет. – Бабушка посмотрела на окно и ладонями закрыла лицо.

– И домой заберет.

Юля понимала, что бабушка темнит, ей и самой хотелось плакать, но детская вера в доброе и светлое сдерживала слезы. Она не могла не верить, что папа вернется. А если он еще и маму обратно приведет.

– Заберет. Обязательно заберет... Ты пока дома побудь, а мне сходить надо...

– Куда сходить?

– Надо. – Бабушка беспомощно махнула рукой на дверь.

Она ушла, закрыв Юлю на ключ. Вернулась она поздно вечером. И спать Юлю уложила. Она гладила девочку по волосам, а из ее глаз катились слезы.

– Папа обязательно вернется, – приговаривала она. – Обязательно вернется.

Утром она ушла снова, после обеда вернулась, собрала вещи и сказала, что им нужно уезжать в деревню.

– А как же папа? – возмутилась Юля.

– Он уже нашел маму, – едва сдерживая слезы, сказала бабушка.

– Они что, в деревню собираются вернуться?

– Нет, папа остался с мамой... Он пока что не может вернуться. А если вернутся, то в деревню. И тебя оттуда заберут.

– Ты не врешь?

Бабушка мотнула головой, закрыв глаза. И Юле стало стыдно. Бабушка никогда не обманывала, и как она могла задать ей такой глупый вопрос?

* * *

Автобус ехал по тряской дороге, пыль врывалась в салон через щели в полу, через открытые окна. А еще водитель нещадно дымил сигаретой. У Юли слезились глаза, чесалось в носу, она чихала.

Сидящая сбоку через проход женщина в клетчатом платке долго и с насмешкой смотрела на нее. На коленях у нее стояла корзина, и сидящий в ней гусь также смотрел на Юлю. Устало смотрел, грустно. А пухлая девчонка с широким и будто подрубленным снизу носом щелкала семечки, выплевывая в окно. На пыль, которая лезла в это окно, она не обращала ни малейшего внимания. И Юлей она несколько не интересовалась, хотя была примерно одного с ней возраста – тринадцать-четырнадцать лет. Хотя, надо сказать, выглядела она не в пример старше.

– Сразу видно, городская фифа! – фыркнула деревенская женщина с гусем.

– Где фифа? – всколыхнулась пухлая девчонка.

Лицо у нее широкое, щекастое, а глазки маленькие, как бусинки, рот тоже маленький, губы тонкие и в налипшей кожуре от семечек.

– Это не фифа, это фифка! – выдала она, с глумливой насмешкой глядя на Юлю.

– А ну цыц, мелкая! – грозно глянула на нее бабушка Клава.

Но женщина с гусем заступилась за свою дочь.

– А ты, Клавь Петровна, на мою Альку не цыкай! – Она вскинула голову, расправила плечи.

Все бы ничего, но гусь, глянув на нее, со страху опустил голову.

– А я, Маня, на тебя сейчас цыкну! – Бабушка тоже расхорохорилась.

– А ну попробуй!

Женщина, которую называли Маня, впихнула корзину с гусем в руки дочери, с угрожающим видом поднялась со своего места, но автобус вдруг резко затормозил, и ее по инерции понесло дальше. Она попыталась схватиться за верхний поручень, но промазала и рухнула в проход между сиденьями.

– Ну, ты баран! – взревела Маня, обращаясь к водителю – высокому костлявому мужчине с вихрастой головой.

– А кто тебе вставать разрешил, дура? – не остался в долгу водитель.

Он нажал на кнопку, дверь с легким приятным шипением открылась.

– Кто дура? – взвыла женщина.

Ее дочь не сказала ничего. Она схватила гуся и швырнула его на водителя. Гусь заголосил, замахал крыльями, заставив

мужчину обхватить голову руками. Мать и дочь засмеялись.

Водитель схватил гуся и, вскочив со своего места, вышвырнул его в открытую дверь.

– Ты что ж творишь, бестолочь? – набросилась на него Маня.

– И ты давай! – Водитель вытянул руку, показывая на дверь. – Вон!

– Сейчас ты сам у меня вылетишь!

– Автобус дальше не идет!

Женщина по имени Маня хотела сказать что-то еще в том же скандальном тоне, но в автобус зашел сильно загорелый, плотного телосложения мужчина с безобразным, разветвленным, как молния, шрамом от уха до рта.

Край верхней губы был оттянут к этому шраму, может, потому казалось, что мужчина зловеще улыбается. На самом деле взгляд его выражал совершенное спокойствие. Не теплый взгляд, но и не холодный. На руках он держал того самого гуся, которого водитель выкинул из салона. Мужчина спокойно гладил его по крылу, и гусь, казалось, боялся пошевелиться.

И Маня притихла, глядя на мужчину. И дочка ее подалась назад, к своему месту.

– Это мое! – Маня протянула руки к птице.

Мужчина едва заметно кивнул, передал ей гуся. Маня подалась в сторону, пропуская вошедшего. А шел он медленно, слегка припадая на одну ногу. И все, кто находится в авто-

бусе, заворуженно наблюдали за ним. Его не смущало всеобщее внимание, он шел, ни на кого не глядя. Только по Юле скользнул взглядом.

Своим видом он мог вызвать отвращение, возможно, поэтому он так посмотрел на Юлю – успокаивающе, умиротворяюще. И столько внушения было в этом его взгляде, что чувство брезгливости умерло в самом зародыше. Осталась только жалость.

Мужчина сел на заднее сиденье, и автобус поехал дальше. Водитель не сказал Мане ни слова, а та больше не скандалила.

* * *

Село Семирадье раскинулось на большом пологом холме, возвышаясь над спокойным течением широкой реки. Из окон бабушкиного дома можно было увидеть, как блестит на солнце полоска воды вдоль дальнего берега. Но до этого берега далеко, а до огорода рукой подать, а там картошка, капуста, огурцы, и всего так много. А еще хозяйство – корова, куры, утки. И как бабушка со всем этим управляет? При этом она еще и работает на ферме. Тяжелая в деревне жизнь. И без удобств. Вместо ванной маленькая бревенчатая банька где-то у реки, туалет на улице. Вместо центрального отопления, как в городе, большая русская печка. На стене – часики с кукушкой, но как они тикают, не слышно. Только

если прислушаться, можно услышать. Тишина здесь ватная, вязкая, легкие звуки с трудом пробиваются сквозь нее. Во всяком случае, так казалось Юле.

Отец уехал к маме надолго. Возможно, он будет уговаривать ее вернуться. Бабушка говорит, что это может затянуться на месяцы. Или даже на год или на два. Тогда Юле придется пойти в сентябре в местную школу, а она здесь совсем не такая, как в городе, – не очень большая и деревянная, и всего лишь восемь классов. Они проходили мимо, бабушка показывала. Там сейчас тихо, занятия начнутся не раньше, чем через месяц. Вот если бы папа успел вернуться к сентябрю...

Но папы нет, и придется пожить у бабушки. Комната у Юли небольшая, зато своя. Железная кровать, отдельная кирпичная печь размером с одностворчатый шкаф. На стенках потемневшие от времени обои, краска на полу местами облуплена – никакого сравнения с тем, что было в городе. И зачем только мама ушла от них? Почему она такая жестокая?

Когда бабушка зашла в комнату, по щекам Юли текли слезы.

– А вот сырость здесь разводить не надо. Знаешь, что от сырости бывает? Сороконожки разводятся. Знаешь, что это такое?..

Юля знала, что такое сороконожка, и слезы потекли еще обильнее.

– Ну, хватит! Хватит! – Бабушка обняла ее, поцеловала в

темечко.

Руки у нее грубые, шершавые, но такие теплые. Юля стала успокаиваться.

— Когда папа вернется?

— Если ты будешь его ждать, то не скоро.

— Как я могу его не ждать?

— Ждать можно, а торопить не надо. Жди его, но не торопи. Будешь торопить, он не скоро вернется.

— А как не торопить?

— Когда человек в гостях, он торопит время. И ты торопишь, все домой рвешься. А ты не рвись, представь, что ты поселилась у меня навсегда.

— Я не могу это представить.

— А ты представь. Завтра я тебе работу дам, кур накормишь, огурцы соберешь. А как за нашей Буренкой ухаживать, я тебе прямо сейчас покажу... За работой время летит незаметно...

Юля вздохнула. Не приучили ее к грубой деревенской работе, и если она возьмется за дело, то время, напротив, растянется на целую вечность. Но делать нечего. Она привыкла слушаться взрослых, и если бабушка сказала «работать», значит, от навоза и огорода ей не убежать.

Глава 2

Первое сентября, школьная «линейка», громкие речи, бравурная музыка из охрипшего динамика. Вроде бы и сельская школа, но все как в городе, только вот девчонки почему-то в форменных платьях, какие носили советские школьницы. И мальчишки в костюмчиках. В школе, где училась Юля, форму давно отменили, а здесь она все еще в почете. Сама Юля пришла в джинсах и футболке, как у них было принято. И все косятся на нее, как будто она какой-то синий чулок. Учительница уже сделала ей замечание, Юля пообещала исправиться, но косые взгляды никуда не делись.

А когда закончилась «линейка» и все стали расходиться, кто-то сильно толкнул Юлю в бок. Она повернула голову и увидела Альку, с которой ей, увы, предстояло учиться в одном классе. Всего шесть девчонок и трое мальчишек – вот и весь класс. Но Алька уже дала знать, что в нем учиться будет непросто.

– А ты чего вся такая деловая, фифочка? – грубо спросила Алька.

Девчонки смотрели на Юлю воинственно. Даже Даша, с которой Юля успела подружиться, хмурила брови. Алька явно имела вес в классе, и если она недовольна Юлей, то и все остальные должны высказать свое «фи». Юля семь лет отучилась в своей родной школе, она знала, как ее класс прини-

мал новичков. Там у них среди девчонок верховодила Танька, такая же противная дура, как Алька.

Мальчишки Альку не очень-то слушались. Об этом можно было судить по тому, что никто из них не задержался, все разошлись. Но никто и не остался, чтобы поддержать Юлю. Для всех она была чужой. И для всех она могла остаться «белой вороной», а это хуже всего.

– А, может, ты на субботник пришла в своих джинсиках? – Алька брезгливо оттопырила нижнюю губу.

– Субботник послезавтра будет! – сложив руки на груди, сказала Даша.

И она уже разговаривает с Юлей через губу. Платье на ней старое, заношенное – видно, наследство от старших сестер. И банты какие-то тощие, неяркие. И сама она вся в прыщах... Только сейчас Юля заметила, какая она убогая. Только сейчас у нее отпало всякое желание дружить с ней.

– А может, она в сортире хочет убраться? – спросила Алька.

– Хочет, хочет! – сказала толстушка с пышными рыжими волосами и красным от веснушек лицом.

– Ну, пойдем! Покажу тебе, где ведро и тряпка! – Алька больно схватила Юлю за руку и потащила за собой.

– Пусти! – Юля легонько ударила ее по руке.

Она и хотела бы ударить больно, но ей для этого не хватало сил.

– Что ты сказала? – скривилась Алька.

Она остановилась, резко развернулась и толкнула Юлю в грудь. Юля упала на землю. Хорошо, что возле школы не было асфальтированной площадки, как в городе, здесь под ногами или утоптанная земля или трава. Юля упала на траву и всего лишь стукнулась локтем, а могла бы ободрать руку.

– Горлова! Ты что делаешь? – К Юле подошла женщина с маленьким сморщенным лицом.

Директор школы грозно хмурила брови, глядя на Альку, но Юле с земли подняться не помогла. А руку протянуть было не трудно.

– Так городская сама лезет! Говорит, что в джинсах нужно в школу ходить и в футболке! Мы, говорит, для нее деревня! – без всякого стеснения соврала Алька.

– Это правда? – Ульяна Даниловна возмущенно посмотрела на Юлю.

– Нет.

– А врать нехорошо! – Алька смотрела на Юлю с пламенным праведным гневом во взгляде.

– Не хорошо врать, – кивнула Ульяна Даниловна, соглашаясь с ней.

Она отвела Юлю к себе в кабинет. Сама она села за стол, а ее оставила стоять.

– Я понимаю, Савельева, ты у нас девушка из города, а мы тут непросвещенная деревня. Но это не дает тебе право смотреть на всех свысока.

– Я ничего такого не говорила! – мотнула головой Юля.

– Не говорила, – усмехнулась женщина. – А класс против себя настроила...

– Я не настраивала...

Какое-то время директор смотрела на ученицу, как будто пыталась понять, что творится у той в душе, а потом отправила девочку домой. И велела без форменного платья в школе не появляться.

За платьем пришлось ехать в районный центр. Бабушка могла отправиться туда не раньше, чем на следующий день. Поэтому в школу за знаниями Юля пошла только третьего сентября. Но, как оказалось, в этот день вся школа выходила на работу в поле. И снова класс жестоко посмеялся над ней. Все пришли в рабочей одежде, а Юля – в школьной. И снова Ульяна Даниловна отправила ее домой – всем на потеху.

* * *

Лук выбирать из земли несложно, только успевай нагибаться. Тонкие нежные пальцы очень быстро устают. Но Юля старалась, она не хотела быть хуже других.

Однажды, разгибаясь, она раскинула руки, чтобы размяться. И в этот момент в затылок ей что-то больно ударило. Перед глазами поплыло, голова закружилась. Юля не смогла удержаться на ногах, упала. И это вызвало смех за спиной. Юля неторопливо поднялась.

Смеялась Алька. Она скалилась, подбрасывая в руке зо-

лотистую головку лука. И девчонки за ее спиной подленько улыбались.

– А что это у тебя на глазах, слезы? – гнусно усмехаясь, спросила Алька.

Юля не стала отвечать, она опустила голову, чтобы никто не видел ее слез.

– От лука слезы, да? – глумилась Алька. – А еще говорят, что луковицу сначала разрезать надо, а потом уже слезы появляются.

– Ты мешаешь мне работать, – тихо сказала Юля.

– Ты что-то сказала? – возмущенно взывала Алька.

Она толкнула Юлю в грудь. Та попыталась сохранить равновесие, но нога увязла в мягкой взрыхленной земле, и она опустилась на одно колено.

– Смотрите, бабы, фифочка передо мной на колени упала! – захохотала Алька.

И этим окончательно вывела Юлю из себя. Она поднялась, оттолкнулась и ударила Альку головой в живот. И Алька упала.

В тот же миг послышался сердитый голос директрисы:

– Савельева!

– Ульяна Даниловна, Савельева матом ругается и дерется!

Директриса шла к Юле с таким видом, как будто собиралась вцепиться ей в волосы. Взгляд ее искрил от гнева и возмущения. Но схватила она ее только за руку. И сильно дернула на себя.

– Так, сейчас ты идешь домой! А завтра ко мне в кабинет, с бабушкой!

– Как домой? – Юля огляделась по сторонам. – Пешком?!
Кругом поля, до села километров пять, не меньше.

– Ну, если за тобой, принцесса, карету не пришлют, тогда пешком! – сказала Ульяна Даниловна.

Если она хотела вызвать смех в толпе, то ей это удалось.

– Я не принцесса! – психанула Юля.

Она опрометью бросилась к дороге, по которой можно было добраться до Семирадья. И ведро с луком отшвырнула в сторону. Пусть бабушка ругается, все равно. Пусть бабушка отвезет ее домой, в город. Пусть там нет мамы и папы, но лучше пропадать одной, чем быть всеобщим посмешищем здесь.

– Савельева! – крикнула вслед Ульяна Даниловна.

Но Юля уже взяла разгон, ее уже ничем не остановишь.

Она шла по дороге быстрым, нервным шагом и очень скоро стала уставать. Когда она остановилась, полевой стан, возле которого велись работы, исчез из виду. Зато Юля увидела Альку. Та торопливо шла за ней, наклонив голову. Казалось, собиралась забодать Юлю.

Так и оказалось. Алька с разгона врезалась в нее, Юля упала, Алька села сверху, руками схватила за волосы.

– Я тебе, фифочка, все патлы вырву! – визгливо кричала Алька. – Я тебе покажу, как задаваться!

– Я не задаюсь!

Юля тужилась изо всех сил, пытаясь столкнуть Альку, и когда ей это удалось, в голове зазвенело, а из глаз брызнули слезы. Это Алька отвесила ей пощечину.

– Ты у меня получишь! – Алька ударила снова, по другой щеке.

Юля ударила в ответ, но только рассмешила обидчицу.

– И это все?

Алька показала, как надо бить. На этот раз она ударила кулаком и разбила губу.

– Не надо, пожалуйста! – Юле стало страшно.

Алька определенно сошла с ума. Она сильная и может убить, если не остановится.

– Что, страшно стало? – засмеялась Алька.

Она поднялась, отряхнулась. Юля тоже стала подниматься, но резкий окрик вернул ее на землю.

– Лежать! Не двигаться!

Юля готова была лежать, лишь бы Алька ее больше не била.

– Лежать, пока я не уйду!

Алька отошла шагов на двадцать, когда Юля поднялась.

– Стой!

Юля побежала в страхе, что Алька бросится за ней.

– Догоню – убью!

Юля ускорила ход. Она не хотела, чтобы мучительница догнала ее.

Она бежала, пока не выбилась из сил. Альки нигде не бы-

ло, никто за ней не гнался, и она легла прямо на дорогу. Ноги не держали от усталости. Так и лежала, пока не слышался шум двигателя. По дороге кто-то ехал. Юлия поднялась и увидела трактор «Беларусь» – пыльный, закопченный.

Она не собиралась махать рукой, она всего лишь отошла в сторону, чтобы трактор не задавил ее. Но машина остановилась сама. Из кабины прыгнул тот самый загорелый мужчина с уродливым шрамом, которого она видела в автобусе. Она уже знала, кто он такой и как его зовут.

Клима Прохорова еще в начале восьмидесятых забрали в армию, он попал в Афганистан, был взят в плен, домой вернулся три-четыре года назад. Говорят, он сменил веру, принял ислам. Так это или нет, но в церкви его не видели ни разу. Клима не осуждали, его боялись. Потому и затих автобус, когда он появился. Даже Алькина мать язык прикусила.

И Юлия не на шутку перепугалась. Клим жил бобылем где-то на выселках. Что, если сейчас он посадит ее в свой трактор и увезет к себе? Не зря же его боятся. Может, он людьми питается. Мало ли чем их в плену там кормили, может, привык...

– Не холодно на земле лежать? – спросил Клим, с абсолютным спокойствием глядя на Юлю.

– Да нет.

– Тебя били? – Он посмотрел на ее распухшую губу.

– Э-э...

– Ты из города?

– Ну-у...

– Где живешь?

– У бабушки.

– Дорогу покажешь?

– Дорогу?.. – спросила она, глядя, как Клим залезает в кабину. – Я не поеду!

Она боялась ехать с ним. Вдруг он завезет ее куда-нибудь. Или прямо в кабине что-нибудь сделает. Вдруг он маньяк?!..

Клим сидел за рулем и молча, с теплым равнодушием смотрел на нее. И Юля поняла, что ей придется сесть к нему в кабину. Во-первых, ей нужно домой, а во-вторых, если Клим извращенец, ему ничто не помешает сотворить с ней зло прямо в поле. Ни одной живой души вокруг.

Она кивнула, он подал ей руку, помог забраться в кабину. Кресло здесь было только одно, но Клим предложил ей сесть на ватник, который он плотно свернул и положил слева от себя. Он не собирался ехать, прижимаясь к ней, и это успокоило Юлю.

– А теперь рассказывай, – сказал он, когда трактор пока- тил по тряской дороге.

– Что рассказывать?

Но Клим не ответил. Похоже, он не привык повторять два- жды. И если Юля не хочет рассказывать, уговаривать он ее не станет. Не хочет, не надо.

– Ну, я у бабушки живу... Мама ушла, отец за ней поехал, а бабушка меня к себе забрала.

Клим повернул голову, как будто собирался глянуть на свою спутницу. Но взгляд от дороги так и не оторвал. И все равно Юля поняла его. Не с той истории она начала. Его интересовал сегодняшний день, а Юле вдруг захотелось выговориться.

* * *

Юные девочки не должны привлекать взрослого мужчину, это противостоестественно. И безобразно. Но в то же время в не столь уж далеком прошлом девочки выходили замуж в тринадцать-четырнадцать лет... А Юля такая красивая, такая нежная... Клим лихорадочно искал оправдание нахлынувшим чувствам.

Юля понравилась ему еще тогда, в автобусе, когда он впервые увидел ее. Увидел, но еще не пропал. А сейчас он просто тонул в болоте своих чувств, захлебывался эмоциями.

Надо было бы отвезти ее к себе домой. Пусть директор школы побеждает за ней, поищет, а как еще объяснить этой дуре, что нельзя бросать на произвол судьбы юных и незащищенных девочек? Хотел бы Клим проучить глупую женщину, но и Юлю к себе везти не мог. Не имел права.

Он должен отвезти ее домой. К бабушке. Так он и сделает. И по-другому нельзя.

Ну а потом можно отправиться к Андрею Антиповичу и

объяснить ситуацию. С председателем сельхозартели Клим состоял в конкурентных отношениях, но это не мешало им при встрече уговорить на двоих бутылочку-другую водки... Клим старался не злоупотреблять спиртным, но сегодня он точно напьется.

Глава 3

Рабочий день закончился, а желания идти домой не было. Муж пьяница, дочь в городе. Жизнь у дочери не заладилась. Вышла замуж за городского, родила, бросила институт. И что? Бросил ее муж, к другой ушел... Городские они все такие.

Дверь со скрипом открылась, и в кабинет, осторожно переступив порог, зашла Ольга Михайловна, пышная женщина с волнистыми волосами. Каждое утро она накручивала волосы, приходила на работу с кудряшками, а за день они выпрямлялись. Но Ольга Михайловна женщина упорная, она не искала легких путей. Завтра она снова накрутится...

Ульяна Даниловна Павлюкова с унылой насмешкой смотрела на нее. Как же ей все это надоело! Учителя, дети – да пропади все пропадом!..

– Ульяна Даниловна, Савельевой дома нет, – сказала Ивашова.

– И что?

– Как что? Девчонка пропала!

– Где она пропала, в поле?! Так не бывает. Я эти поля как свои пять пальцев знаю, – хмыкнула Павлюкова.

– Так это вы, а Савельева не знает. Она вообще ничего не знает. И маленькая она.

– Маленькая!.. Зато городская!.. Пришла тут, умная!

– Ульяна Даниловна, что вы такое говорите! – В голосе Ольги Михайловны звучало и удивление, и осуждение. – Савельевой всего четырнадцать лет!

– Я в четырнадцать лет из Гореловки в школу за восемь верст ходила. Пешком. Восемь верст туда, восемь верст обратно, и ничего.

– Савельева городская, она так не может.

– Вот я и говорю, что городская. Дурь из нее выбивать надо.

– А бабушка у нее деревенская. Если она дурь начнет выбивать? – спросила обычно робкая Ивашова.

– Из кого дурь выбивать? – вспучилась Павлюкова.

– А кто Савельеву с работы выгнал? И за что? За то, что Горлова ей войну объявила?..

– Горлова? Войну?.. Да нет, это Савельева вызов нам бросила! И вы, Ольга Михайловна, должны понимать это, как опытный педагог... Или вам все-таки не хватает опыта? – Павлюкова подняла руку, чтобы ударить кулаком по столу, но бить не стала. Рука опустилась плавно.

– Не бросала Савельева нам вызов, – исподлобья глядя на нее, мотнула головой Ольга Михайловна. – Это ваша злость на городских бросила ей вызов.

– Что?!

– Про педагогику мне здесь говорите... У Савельевой родители погибли, девочка круглая сирота...

– Вот! А как они погибли? Еще нужно разобраться, при

каких обстоятельствах они погибли!..

Глаза у Ивашовой становились все шире, челюсть опускалась все ниже. Она смотрела на Павлюкову, как на бездушное чудовище.

– Савельева пропала!.. – выдавила она. – Может, она, как мать!.. Как отец!..

Только сейчас до Ульяны Даниловны дошел весь ужас положения. Мать Савельевой попала под поезд. Вроде бы пути в неположенном месте переходила, нога застряла между рельсами. В это еще можно поверить. А отец точно сам под поезд бросился. Не могло быть сразу две случайности в одном и том же месте. Кто-то из них покончил жизнь самоубийством, а может, и оба... Бабушка Юли Савельевой выводов не делала, она рассказала все, как было. И еще она очень просила ничего не говорить Юле. Девочка она не глупая, сама должна догадаться, что ее родителей больше нет... Может, и догадалась. А тут еще такой толчок в спину со стороны взрослых. И дурную наследственность со счетов сбрасывать нельзя. Что, если Савельева свернула к реке и в омут с головой?

– Да нет, этого не может быть! – Павлюкова вскочила со своего места, бросилась к двери.

Но сама же себя осадила и вернулась к телефону. С председателем сельхозартели нужно связаться, без него народ на поиски поднять будет трудно.

Слухи по селу расходятся быстро, и Андрей Антипович

уже знал о том, что произошло в поле. Знал, как Ульяна Даниловна прогнала Юлю домой. Она попросила у него помощи, а он спросил про свою дочь, которая училась у нее в школе.

– Как там Людмила моя, никто не обижает? – Намек в этом вопросе не просто угадывался – резал слух.

– Нет, никто. Все хорошо.

– А то вдруг дашь ей пинка под зад!

– Андрей Антипович, побойся Бога!

– Это ты мне говоришь?.. Если вдруг девчонку не найдем, пиши заявление по собственному. Или я сам подниму вопрос!

– Ну что ты такое говоришь! – воскликнула Павлюкова.

Но Юров ее уже не слушал – в трубке звучали короткие гудки.

Ульяна Даниловна подняла на ноги всех, кого могла. Юлю искали весь вечер, всю ночь, но найти так и не смогли. А утром в школу приехал Юров. Этот кряжистый мужчина с квадратной головой и колкой иронией во взгляде долго смотрел на Ульяну Даниловну. И наконец спросил хриплым, будто простуженным голосом:

– Чего ты на девчонку-то взъелась? Чем тебе эта пигалица не угодила?

Юров председательствовал в артели, как теперь назывался колхоз, помимо этого, он возглавлял сельскую администрацию. Юров – это власть, и Павлюкова очень хорошо все

понимала.

– Андрей Антипович, ты не так все понял.

– Да все так я понял!.. Не любишь ты городских. Из-за дочки своей не любишь... Ну да ладно, Бог тебе судья! Заявление написала?

– Андрей Антипович, давай разберемся!..

– Ты правильно говоришь, Даниловна, у нас не город, у нас деревня. У нас все просто и ясно. Не место тебе в школе, и нечего тут разбираться... В районо звонить пойду, пусть нового директора назначают.

– Не надо в районо, – опустив голову, вздохнула Павлюкова.

Судя по всему, Юров настроен был решительно, а это значило, что в районо он точно позвонит. И тогда Ульяну Даниловну уволят по статье. А ей всего сорок девять лет, до пенсии еще работать и работать. Тем более у нее была возможность устроиться учителем истории в Подреченске. Если, конечно, она уволится по собственному желанию. А она уволится... И зачем она только связалась с этой несчастной Савельевой?

– Будет заявление.

– И заявление будет, – кивнул Юров, – и статья. Если Савельеву не найдем.

Юля Савельева нашла на следующий день. Оказывается, ее занесло в лес, там она заблудилась, но в конце концов вышла к Семирадью. И бабушкин дом сама нашла.

Алька стояла на мостике через канаву, уперев руки в бока. Она перегораживала дорогу, не пуская Юлю в школу. И не обойти ее, не перепрыгнуть.

– Иди туда, откуда пришла! – выпалила она с ядовитым ехидством.

– Мне в школу нужно, – вздохнула Юля.

Бабушка обещала, что теперь все будет по-другому. И Клим сказал, что директор школы изменит к ней свое отношение. Потому что в школе будет новый директор...

Клим отвез ее к бабушке в тот же день, в тот же час, как подобрал в поле. Привез, зашел к ним в дом, поговорил с бабушкой, и та согласилась спрятать Юлю, как будто она пропала. Спрятать назло Павлюковой, которая, как сказал Клим, совсем рехнулась на старости лет. И бабушка согласилась с ним. А вчера Юля узнала, что в школе новый директор – Ольга Михайловна Ивашова. Но Алька-то старая. И она снова не дает ей проходу. И понимает эта дрянь только силу, а где ж ее взять?

– Толстая, ты чего права здесь качаешь? – слышалось со стороны.

Юля повернула голову и увидела чернявого парня с ярко-синими глазами. Высокий, хорошо сложенный, взгляд ироничный, жизнерадостный. Черная рубашка под светлой

ветровкой, зеленые джинсы.

– Кто это толстая? – Алька обиженно надула губы.

– Ты чего к девчонке лезешь? – Подмигнув Юле, спросил парень.

– Я лезу?

– Еще раз увижу, щелбана влеплю!.. Ну, чего стоишь? Пошла прочь!

– А ты кто такой, чтобы здесь командовать! – Алька всплеснула руками, как будто крыльями хлопнула.

Парень ничего не сказал, он всего лишь плюнул на пальцы правой руки, и Альку как ветром сдуло. Он давал понять, что не шутит, а собирался щелкнуть обидчицу по лбу.

Алька ушла, но Юля не могла и с места сдвинуться. Она заворуженно смотрела на парня, ноги ее как будто приросли к земле. Она очень хотела спросить, кто он такой, но и язык будто прилип к нёбу.

– Привет! Меня Дима зовут! – Парень снова, также весело подмигнул ей.

– Юля, – кивнула она.

– Иди Юля, и ничего не бойся. Никто тебя не тронет.

– Я пойду?

Юля вдруг поняла, что никуда не хочет уходить. Стоять бы и смотреть на Диму, любоваться им. Он такой красивый. Такой благородный. И взрослый. Лет восемнадцать ему, никак не меньше. В школе в таком возрасте уже не учатся, тем более в восьмилетке.

– Иди, иди, – сказал он, рассматривая ее с высоты своего роста.

– Да, я пойду! – Юля решительно оторвала ногу от земли.

Она продолжила путь, а Дима так и остался стоять возле мостков. У самого порога она обернулась и увидела, как Дима достает из кармана пачку сигарет. Юля невесело вздохнула. Нет, ей все равно, курит он или нет, – ее расстроило, что Дима не смотрел ей вслед.

Алька ждала ее в классе. Она стояла сразу за дверью. Юля остановилась. Опасно проходить мимо, как бы пинка не получить. Алька, она такая...

– Что, заступника нашла? – зло спросила задира.

– Никого я не находила!

– Из-за тебя Павлюкова ушла!

Юля пожалала плечами. Она знала, почему в школе новый директор, но у нее не было никакого желания говорить на эту тему.

– Ивашову поставили!.. А ты с ее сынком уже крутишь!

– Я ни с кем ничего не кручу.

– Хитрая ты! И подлая! – скривилась Алька. – А все тихоню из себя изображаешь!

– Я ничего не изображаю, – качнула головой Юля.

– Изображает? – обращаясь к Даше, спросила Алька.

Та кивнула, соглашаясь. Она, как и все остальные, боялась поддержать Юлю. Мальчишкам, казалось, было все равно. Яша и Миша сидели на задней парте, о чем-то шушукаясь

между собой.

– А ты знаешь, что ее родители под поезд бросились? – Этот вопрос Алька задала Даше, а смотрела на Юлю.

– Нет, не знаю.

– Кто под поезд бросился?! – Юля покрутила пальцем у виска.

– Видишь, она даже не знает, что ее родителей поездом задавило! Ей об этом не говорят! А знаешь почему? Потому что ей все равно! Потому что она подлая!

Юля смотрела на Альку и не могла ничего сказать. Она хотела накричать на нее, назвать сволочью и дурой, но голосовые связки онемели, слова застряли в горле. Как это так, ее родителей задавило? Такого быть не может!

Но в то же время Юля догадывалась, что бабушка темнит. Почему она не ищет отца, если он у мамы, почему не звонит ему? Да и не мог он уйти, бросив дочь. И мама не могла уйти. А если могла, то лишь туда, откуда не возвращаются... Дурные мысли, как черные вороны, кружили над головой, Юля гнала их от себя, как могла. И пока это у нее получалось. Но вот эти мысли-вороны всей стаей обрушились на нее!..

Взгляд у Юли затуманился, она не заметила, как Яша поднялся со своей парты. Но увидела, как он с разгона толкнул Альку в плечо.

– Ну, ты и мразь, Горлова!

Алька отлетела к доске, врезалась в нее, но не упала. Она рванулась к Яше, собираясь ударить его, но тот держал кула-

ки наготове. Алька вдруг сдулась и, расталкивая девчонок, прошла к своей парте, села и, опустив голову, закрыла лицо руками.

А Юля бросилась вон из класса.

– Савельева! – донеслось вслед.

Похоже, это сама Ольга Михайловна пыталась ее остановить, но Юля даже не замедлила шаг.

И все-таки Ольга Михайловна остановила ее. Руками своего сына.

– Эй! – Дима нагнал ее, поймал за руку. Юля вырвалась.

– Ты чего как бешеная? – спросил он. – Что-то случилось?

– Да пошли вы все! – психанула Юля.

В переполохе чувств и эмоций у нее мелькнула мысль идти домой, спросить у бабушки о родителях. Но шла она куда-то в другую сторону. И менять направление не собиралась. Все равно куда идти, лишь бы не стоять на месте. А дорога, похоже, пошла под уклон. Возможно, она вела к реке. А что, если в воду, да с головой?..

Юля ускорила шаг. Но Дима не отставал.

– Алька тебя обидела? – спросил он. – Так ты не обращай внимания. У них вся семейка чокнутая. А дед у них полицаем в войну был. Дурная кровь.

– Дед полицай, а внушка – фашистская сволочь! – в сердцах выпалила Юля.

– Во-от! – Дима ткнул пальцем в небо. – Теперь давай дальше!..

- Что дальше?
- Дальше выкладывай! Чем тебя Алька обидела?
- Тебе какое дело?
- А если я помочь тебе хочу?
- Мама попросила?
- Мама?
- А разве ты не сын Ольги Михайловны?
- Сын.
- Тебя Ольга Михайловна попросила мне помочь?

Юля вдруг поняла, что успокаивается. В горле стоял ком, тоска давила на слезные мешочки, но сознание прояснилось, и уже не хотелось топиться. Тем более что Алька могла и соврать.

– Попросила. Но если я не хочу, меня не заставишь... Что тебе Алька сказала?

- Она сказала, что мои родители погибли.
- М-да.

Дорога перешла в тропинку, которая вела к реке. Юля не останавливалась, Дима шел рядом с ней. Шел и молчал. А ведь он должен был сказать, что Алька сказала неправду.

- Почему ты молчишь? – спросила Юля.
- А я что-то должен сказать?
- Что ты знаешь про моих родителей?
- Ну-у...
- Что «ну»? – Юля резко обогнала Диму, остановилась и повернулась к нему.

Она перегородила ему путь, а он не успел вовремя остановиться и навалился на нее. Они едва не упали. Но, восстанавливая равновесие, Юля продолжала смотреть ему в глаза. Зато он отвел взгляд в сторону.

– Что ты знаешь?

– Ну, мама говорила.

– Что говорила?

– Об этом уже почти все в деревне знают. Ты все равно бы узнала...

– О чем бы я узнала?

– Алька тебе уже сказала.

– И это правда?

Дима кивнул, плотно сжав губы.

– И все знали?

– И ты должна была догадаться...

– Я догадывалась! – Юля хлопком закрыла лицо ладонями.

Дима ничего не сказал. Он просто стоял рядом, пытаясь успокоить ее своим присутствием.

Юля повернулась к нему спиной, опустила руки и побрела вниз к реке. Она не хотела, чтобы он уходил, ей нужна была его поддержка. И он шел рядом.

– Твоя бабушка правильно все сделала. Нельзя было рубить с плеча, – тихо, с сожалением сказал он.

– Я догадывалась, – кивнула Юля.

Она уже почти уверилась в том, что так все и было. Сколь-

ко страшных вопросов возникало и до этого, просто она не пыталась искать на них ответы.

Они вышли к реке, встали на краю обрыва, с которого вниз к воде вела узкая витиеватая тропинка.

– Я догадывалась, – повторила она.

И обессиленно села прямо на траву. Дима присел на корточки, закурил.

– Ты поплачь, – сказал он. – Легче будет.

Но Юля даже не всхлипнула. Слезы сами текли по щекам. А хотелось зареветь, разрыдаться. Еще совсем недавно все было так хорошо, и вдруг мир перевернулся с ног на голову. Сначала мама ушла, за ней отец. И ушли они навсегда. Ушли эти родные и любимые люди, как же Юля будет без них?

– Ты иди, – сказала она.

Ей не хотелось, чтобы Дима уходил, но и держать его возле себя она не могла. Ясно же, что это мама поручила ему шефство над несчастной сиротой.

– Да нет, я никуда не спешу... – сказал он. – У меня отгул сегодня.

– Ты работаешь?

Боль утраты сжимала сердце, но Дима одним своим присутствием поддерживал интерес к жизни.

– Нет. Учусь. В Подреченске. В сельхозтехникуме. В смысле, в колледже.

– Техником-агрономом будешь? – из глубины своих страданий спросила Юля.

Подреченск находился всего в двадцати километрах от Семирадья, утром туда шло сразу четыре автобуса. Многие выпускники школы продолжали учебу в этом колледже, и Юле, видимо, придется туда поступать. Если родители ее обратно не заберут. А не заберут...

Она слышала про сельскохозяйственный колледж, ей даже говорили, по каким специальностям там готовят, но запомнила только одну специальность – «техник-агроном».

– Акушером-ассенизатором, – улыбнулся Дима.

– Врешь! Нет там такого! – с подозрением глянула на него Юля.

– Нет, и не надо.

– И мамы нет. И папы, – всхлипнула она.

И разревелась. Ей так хотелось, чтобы ее кто-нибудь утешил, и Дима подставил плечо. В это плечо она и выплакалась. А потом он отвел ее домой и передал бабушке с рук на руки. Юля не хотела, чтобы он уходил, но Дима не мог остаться. И на следующий день он не появился.

Глава 4

Автобус шел быстро, на повороте скорость не сбросил, и центробежная сила вжала Юлю в стенку. А сидящий рядом незнакомый мужик навалился на нее. От него воняло перегаром, застоявшимся потом, Юле противно было сидеть рядом с ним, а он еще и прижался к ней. Автобус уже шел по прямой, а он даже не думает отодвигаться. И глаза у него закрыты, как будто он спит.

Юля напряглась, поднатужилась и оттолкнула его. Мужик открыл глаза, повернулся к ней, дыхнул перегаром:

– Ты чего ко мне в карман лезешь?

– Я к вам?! В карман?! – Юля недоуменно захлопала глазами.

– А она такая! Она может! – в голос засмеялась Алька.

Она сидела с другой стороны от этого мужика. И тоже ехала в город утренним рейсом.

Школа осталась в прошлом, но Алька продолжала отвлекать и настоящее. Юля училась на бухгалтера, а она – на землеустроителя. В колледже они практически не пересекались, и на пути в город Юля старалась ее избегать. Она уезжала в Подреченск первым рейсом, Алька – вторым. Но сегодня Юля задержалась, и пришлось ехать в одном автобусе. Причем в переполненном. Первый рейс, как правило, менее загружен, хотя и там случалось ехать в тесноте, Но не в оби-

де. А тут вдруг какой-то алкаш бредить наяву начал. И Алька, конечно же, подхватила. А баба она здоровая, такая же крупная, как ее мать. И голос у нее громкий, зычный.

– А ну! – Мужик начал хлопывать свои карманы, локтями касаясь ее груди.

А грудь у Юли к шестнадцати годам налилась, оформилась. И угловатое некогда тело слегка округлилось, хотя она и оставалась такой же худенькой. Сколько раз ей уже предлагали любовь и дружбу, но Юля всякий раз отказывалась.

– Да пошел ты! – Юля двумя руками оттолкнула его, поднялась со своего места и, расталкивая стоящих в проходе пассажиров, направилась к двери.

Нет, она не собиралась выходить, просто там впереди, как ей казалось, было больше воздуха.

– Граждане, берегите свои карманы! – закричала Алька.

Кто-то покосился на нее, кто-то тайком стал ощупывать свои карманы, а кто-то поспешил занять освободившееся место. Зина Дементьева заступилась за Юлю.

– Алька, хватит дурить!

– Это кто дурит? – вскинулась Алька.

– А ну не ори, дура! – набросился на нее дядя Слава.

А он мужик с особенностями – насколько добрый по вечерам, настолько же злой по утрам. И Алька это знала, поэтому и прикусила язык.

Зина Дементьева училась на четвертом курсе, зимой, через три месяца, у нее выпуск, и на второкурсниц она смот-

рела снисходительно. Но тем не менее за Юлю заступилась.

Автобус прибыл в Подреченск, от автостанции до техникума – несколько кварталов. И несколько путей. Юля чувствовала, что Алька захочет поквитаться с ней, поэтому, выскочив из автобуса, свернула за ларек с зарешеченным окошком, вышла к проулку между частными домами. И каково же было ее удивление, когда в самом конце этого проулка она увидела Альку.

А место безлюдное, зато собака за забором лает, аж заходится, бросаясь на возмутителей спокойствия. Алька с кулаками, собака с острыми зубами – жуть. А Юля такая хрупкая, беззащитная.

– Ну что, попалась?

Юля уже поняла, что на помощь никто не придет. И Алька щадить ее не станет. Значит, нужно драться. Но как?.. Она провела взглядом по земле и заметила палку. Нагнулась, взяла ее и чуть не расплакалась, когда поняла, что это всего лишь тонкая ветка. Но разогнуться она не успела. Алька ударила ее ногой и попала в лицо.

– На тебе, сука!

Падая на живот, Юля закрыла рукой разбитый нос. И когда упала на землю, закрыла лицо. Пусть Алька бьет ее по спине, по ногам, только лицо пусть не трогает. Но Алька все норовила ударить ногой в голову. И била.

Юля уже чувствовала, что теряет сознание, когда кто-то схватил и оттащил от нее Альку.

– Что ж ты, гадина, вытворяешь? – возмущенно прозвучал мужской голос.

Юля оторвала голову от земли, посмотрела в сторону, откуда пришло спасение, и увидела мужчину в милицмейской форме. Он держал Альку, обхватив ее двумя руками, а она дрыгалась, пытаясь вырваться. А Юле помог подняться второй милиционер, молодой парень с раскосыми глазами и пышными усами.

– Заявление писать будем? – спросил он, рассматривая Юлю.

– Какое заявление? – заорала Алька. – Это я заявление писать буду! Эта сука меня обокрала!

– Обокрала?! – Мужчина, который держал ее, разжал руки.

– Да весь автобус подтвердит! Все видели, как она там по карманам шарилась!

– Разберемся!

Через полчаса Юлю закрывали в одну камеру с решетчатой дверью, а Альку в другую, по соседству. И никому не было дела до ее распухшего носа.

А еще через час ее повели на допрос. Юлю лихорадило от страха и волнения. Она же не преступница, тогда почему ее держат в тюремной камере и водят под конвоем? Осталось только наручники на нее надеть.

Ее привели в кабинет, в котором хозяйничала немолодая, крупнотелая женщина с жидкими обесцвеченными волоса-

ми. И капитанскими погонами на форменной куртке. Женщина неторопливо стучала по клавишам печатной машинки. Юлю она скорее слышала, чем увидела. И кивком головы показала на свободный стул перед своим столом.

– Рассказывай, – сказала она, не отрывая глаз от книги, с которой перепечатывала.

– Что рассказывать? – не поняла Юля.

– Кого ты там обворовала?

– Никого я не обворовывала.

– А кошелек у пассажира кто вытащил?

– У какого пассажира? Алька все врет!

– Врет?! – Сомнение в голосе капитана не просто прозвучало, оно простонало.

Наконец она оторвала взгляд от книги и воинственноглянула на Юлю. Но, рассмотрев ее, нахмурила брови. И даже растерянноморгнула.

– Это ты кошелек вытащила? – в недоумении спросила она.

– Я не вытаскивала кошелек! – голосом, срывающимся на истерику, сказала Юля.

– А что делала?

– Ничего! Мужик на меня в автобусе навалился, а я его оттолкнула. Он пьяный был, от него воняло...

– Воняло?

– Я его оттолкнула, а он стал кричать, что я к нему в карман полезла. И Алька кричать стала.

– Алька? – Женщина добродушно улыбалась, глядя на Юлю.

– Алька. Она ко мне еще со школы цепляется.

– Почему?

– Потому что я из города приехала. К бабушке.

– Из города, говоришь?.. Видела я твою Альку. Ты красивая, а она – нет. Вот она к тебе и цепляется... А ты чего дрожишь? Холодно?

– Ну, да.

– Понимаю.

Женщина повернулась, включила электрочайник, который стоял у нее за столом на тумбочке.

– Заявление писать будешь?

– На кого, на Альку?

– Ну, не на меня же.

– А за что?

– А разве она тебя не била? Статью за хулиганство у нас никто не отменял.

– А если не буду писать?

– Тогда мы твою Альку выпустим. И тебя вместе с ней. А в следующий раз она тебя убьет.

– Не убьет, – потухшим голосом сказала Юля.

– Или подставит. Ей соврать, как на два пальца глянуть...

Ну, так что, будешь писать?

– Нет. – Юля мотнула головой.

Дознаватель поднялась со своего места, подошла к Юле,

аккуратно ощупала нос.

– Перелома нет... Может, оно и правильно, что не хочешь писать. А с этой дурой я поговорю. Чай будешь?

Юля мотнула головой, но женщина уже разливала кипяток по чашкам:

– Ну, от чая ты не отвертишься... ангелочек.

Через час Юля была в колледже, Альку же выпустили только на следующий день.

* * *

Бабушка подошла к столу, в недоумении всплеснула руками, опустилась на стул.

– Ну что за люди, не понимаю!

Юля знала, куда ходила бабушка. Она даже пыталась удерживать ее, но бесполезно. Все-таки сходила, поговорила с Алькиными родителями.

– Сколько в глаза ни плюй, не проплюнешь! – Бабушка снова шлепнула себя ладонями по коленям. – Я ей говорю, что Алька на тебя напала, а они все на тебя валят. И на всю ивановскую орут, что ты ее обокрала.

– А кто им верит? – усмехнулась Юля.

Горловы – скандалисты знатные, над ними все село посмеивается. Альке даже в милиции не поверили.

– Так в том-то и дело, что не верят. Они если поверят, слух не пойдет, а поскачет... Знаешь, поговорю-ка я с Кли-

мом. Он если слово скажет, Манька с Витькой языки-то прикусят...

– С Климом поговоришь? – Юля удивленно вскинула брови. – Он-то здесь при чем?

Клима она не видела с тех пор, как он два года назад подвез ее к дому. Но бабушка не раз вспоминала, как он подал ей идею наказать директора школы. Он тогда и участие принял, с председателем артели вроде как поговорил.

– Ну, при чем... – Бабушка почему-то отвела в сторону глаза. – Он над тобой, так сказать, шефство взял.

– Шефство?

– Ну, ты же сирота...

– И кто его об этом просил?

– Никто.

– И не надо ни о чем просить!

– Ну, не знаю... Не нравится мне Алька, что-то дурное она против тебя затеяла. Я-то, конечно, спуску ей не дам. Но до греха не надо доводить!.. А Клим, он, конечно, не просто так... – в раздумье качнула головой бабушка.

– Что, не просто так?

– Да нравишься ты ему...

– Я нравлюсь?

Юля уже привыкла к тому, что парни заглядываются на нее, но все-таки покраснела. Одно дело обычным парням и мужчинам нравиться, и совсем другое – Климу. Он мужик нелюдимый, на выселках живет, на селе редко появляется, в

магазин там или с Юровым посидеть за рюмкой чая. Почти ничего о нем не слышно.

– Да как увидел тебя, так ты ему и понравилась.

– И что? – Юля смотрела на бабушку, провоцируя ее на откровение.

Не зря же она этот разговор завела. Вдруг сосватать ее за Клима решила?

– А что? Да ничего! – Бабушка шлепнула ладонью по столу. – Нравишься ты ему. Вот и ходит он вокруг тебя.

– Не вижу я, чтобы он ходил.

– Не видишь, потому что мелкая ты. Это раньше в двенадцать лет замуж выходили, а сейчас и в четырнадцать лет маленькая. И в шестнадцать... Может, он ждет, когда ты вырастешь?

– Зачем?

– Ну, зачем... – Бабушка повернула голову к окну и кашлянула в кулак.

– Замуж хочет взять?

Юля вовсе не собиралась выходить за Клима замуж. Еще чего! Он и на внешность безобразный, и хромой, и еще его все считают странным. Но почему-то не возникало желания уйти от этого, казалось бы, неприятного разговора. Может, потому что Клим не вызывал отвращения? У него ужасный шрам, страшное лицо, но Юля при мысли о нем не испытывала брезгливости. Даже интересно было поговорить о нем.

– А почему бы и нет? – тихо сказала бабушка, все так же

напряженно глядя в окно.

– А почему да?

– Ну, я понимаю, он не красавец...

– Не красавец! – подзуживала Юля.

– Но и не урод...

– Ну, если на характер, то да...

Юля помнила, как ехала с Климом в тракторе. Он даже ни разу не прикоснулся к ней. Только за руку брал, помогая залезть в кабину.

– И на внешность... Вон сколько их таких покалеченных с войны приходило, и ничего, жили бабы. И он с войны пришел...

– Да, но я-то его не ждала.

– Ну не ждала, и не ждала... – Бабушка махнула рукой, тяжело поднялась. – Картошки почистить надо. Картошки на сале пожарим. И с молочком.

– На сале вредно, холестерину много, – улыбнулась Юля.

– Ага, сейчас все умные стали...

Юля спустилась в погреб, набрала в кастрюлю картофельных клубней. Кухня в доме крохотная, можно сказать, закуток перед печью, а еще там размещалась плита на две конфорки. Но ничего, и Юля там умостила, и бабушка возле плиты встала.

– Слышала я про этот холестерин, – сказала она, помещивая в сковороду, в которой шкворчало сало. – Сосуды от него забиваются.

– Забиваются.

– Вот и у меня когда-нибудь забьются. На кого я тебя оставлю? А ты в институт собираешься. Как ты там без меня будешь?

– Ничего у тебя не забьется. И мы будем вместе.

– Ну, а если... А у Клима хозяйство! Два трактора! Комбайн свой!.. А дом он какой ставит!..

– Ты и дом его видела?

– Ну-у... – замялась бабушка.

– А мечеть он там у себя не строит? – пошутила Юля.

– Какую такую мечеть? Он, знаешь, на церковь сколько денег отвалил!

– Сколько?

– Много!.. И не надо тут мне...

– Что не надо?

– Посмеиваешься тут... Думаешь, я ничего не понимаю? Понимаю. Не пара он тебе. Ты у меня вон какая красавица, а он... ну, не урод, конечно, но спокойно да, не глянешь... Я бы сама за такого не вышла, – через силу выдавила из себя бабушка.

– Ну, вот видишь! – засмеялась Юля.

– Но так, а где мой дед? А загулял мой дед, к Дуське ушел!

– Как загулял? Он же умер.

– Умер. Но сначала загулял. Потому и умер, что загулял. Дуська его не берегла, таскала за собой, вот он и замерз... пьяный... А-а! – Бабушка махнула рукой с досадой.

Юля видела деда на фотографии. Молодой, в военной форме, красивый. Фуражка набекрень, чуб из-под козырька выбивается. Может, потому и закрутился в голове знакомый мотив.

– Зачем вы, девушки, красивых любите, – тихонько пропела она.

– Вот-вот! – подхватила бабушка. – Непостоянная у них любовь!

– Непостоянная, – кивнула Юля, вспомнив почему-то Диму.

Вот уж кто был и оставался для нее образом красавца-мужчины. Но с ним за два года она ни разу так и не увиделась. Не появлялся он больше в школе. И на остановке она его ни разу не видела. Дом их стоял на ближней к городу окраине села, а у Димы был мотоцикл, на нем он в город, говорят, и ездил. А после техникума Диму в армию забрали, и не Юля его провожала. И не она обещала ждать. Но так она и не должна была обижаться на Диму. Кем она тогда была, когда с ним познакомилась? Пигалицей бескрылой. Да и сейчас она еще совсем юная. Рано ей о замужестве думать. Да она и не рвется под венец. И парни ее не очень-то волнуют. Разве что сожмется что-то внутри, когда она подумает о Диме, но сразу же и отпустит. Не успела она в него влюбиться, и это очень хорошо.

А после колледжа она уедет в Москву, поступит в институт на профильный финансовый или экономический фа-

культет. И выучится она, и замуж выйдет, все у нее будет, как у людей. Но не здесь, в деревне, а там, в городе. И бабушку она с собой заберет. А Клим останется здесь.

Глава 5

«Бухучет» сдан на «отлично». Как и все остальные предметы. Юлия готовилась, она должна была сдать экзамен на твердую «пятерку». Она точно это знала. И все равно, из кабинета она выходила с ликующей улыбкой на губах. И с чувством, как будто в ее жизни произошло что-то невероятное.

– Ну как? – Леша Коробов догнал ее на лестнице, перегородил дорогу, остановился.

– «Отлично», – мило, но без особой охоты улыбнулась она.

Коробов был в нее влюблен с первого курса, но только сейчас, в конце второго, решился подойти к ней. Потому и стоит на лестнице с таким видом, как будто в штаны наделал. Раскорячило его от волнения. И не надо его гнать от себя, а то еще вдруг парализует парня на почве сильного стресса.

– И у меня «пятак»! – как-то уж чересчур широко улыбнулся он.

– Поздравляю.

На самом деле «пятерку» в колледже получить было нетрудно. Хотя бы через раз приходи на занятия, работай на семинарах, имей конспект, тогда достаточно просто что-нибудь ответить хотя бы на один поставленный вопрос... ну, и еще попросить, чтобы поставили «отлично». Но Юлия-то училась на перспективу, она собиралась поступать в инсти-

тут, потому считалась отличницей заслуженно.

– Надо обмыть это дело!

– Обмывай. – Юля попыталась обойти Коробова, но тот схватил ее за руку.

Она вырвала руку, и он, потеряв равновесие, упал на четвереньки. Юля смеяться над ним не стала, она просто продолжила путь. Но Коробов нагнал ее.

– Стой!

Но Юля лишь ускорила шаг.

– Да куда ты? – Он дернулся, чтобы снова взять ее за руку, но на этот раз не решился.

– У меня автобус.

– А давай ко мне! У нас машина!.. – гордо вскинув голову, сказал он. – Я отвезу!

– Спасибо, я как-нибудь сама.

– Я серьезно!

– И я серьезно.

Они вышли на улицу, а на крыльце стояла Алька. Увидев Юлю, она встрепенулась, нахохлилась.

Юля подозрительно глянула на злобную толстушку. Почти год прошел с тех пор, как Алька избивала ее. Бабушка переживала, что эта дрянь и дальше будет доставать Юлю, но нет, Алька только вначале клокотала на нее, а потом успокоилась. Но сейчас, похоже, у нее снова началось обострение.

– Куда скачешь, лошадь? – грубо спросила она.

К счастью, крыльцо было широкое, и Юля смогла спокой-

но обойти Альку.

– Далеко не ускачешь, коза! – донеслось вслед.

Юля обернулась у самых ворот. Алька шла за ней. Впереди парк, а там сейчас одни только наркоманы водятся. В парк Юля заходить не собиралась, но Алька могла догнать ее, схватить за волосы и утащить в кусты. А баба она настолько же сильная, насколько и дурная. Но Коробов продолжал идти рядом, и это успокоило Юлю.

– Алька за тобой идет, – сказал он.

– Я знаю.

– Она тоже из Семирадья?

– Тоже.

– В одном автобусе поедете?

Юля кивнула. Именно эта мысль ее и расстраивала. Алька и руки распустить могла, и скандал на ровном месте устроить.

– Так давай я тебя отвезу! – снова предложил Коробов.

– Ты это серьезно? – с надеждой спросила она.

– Так я же говорил! – распетушился он. – Отец мне машину дает. Ключи возьмем и поедем... Прав у меня нет, но так мы проселком пойдем... Идем ко мне?

Юля кивнула. Не было у нее никакого желания ехать с Алькой в одном автобусе.

Леша жил недалеко от колледжа, в частном доме из белого кирпича с каким-то замысловатым барельефом в промежутке между первым и вторым этажом. Он подвел Юлю к ка-

литке, но во двор зашел сам. Пока он сажал на цепь крупную немецкую овчарку, которая бегала по двору, Юля осмотрелась по сторонам. Альки нигде не было видно. Да и зачем этой дуре следить за ними?

Леша вышел к ней с улыбкой до ушей.

– Барбаросс наш на тебя не лаял, заметила? Обычно он на всех лает... А ты как будто ангел с небес!

Юля удивленно повела бровью. Не ожидала она такого рафинада от кислой натуры.

– Проходи! – Вдохновленный ее интересом, он широко повел рукой в сторону дома.

Но Юля мотнула головой:

– Мне домой нужно.

– Ну, хорошо...

Не закрывая калитку, Коробов направился к гаражу, заглянул внутрь и, удрученно глянув на Юлю, развел руками:

– Уехала машина. Наверное, Ромка взял.

– Очень хорошо, – сказала Юля и, плотно сжав губы, улыбнулась.

Она повернулась к Леше спиной, но не успела сделать и шагу, как с дороги к воротам съехала надраенная до блеска синяя «семерка». Длинная антенна дугой от капота до багажника, окна открыты, из колонок орет музыка. Машина остановилась, из нее вышел крепкого сложения парень с короткой стрижкой. На широкой шее болталась толстая стальная цепь, джинсовая жилетка была надета прямо на голое тело –

можно было разглядеть «кубики» на животе. Внешне парень был похож на Лешу, но только в более грубом и зрелом исполнении. Леша еще мальчик, а этот уже взрослый парень, можно даже сказать, мужик.

Он жевал жвачку как будто напоказ – резко, смачно, сильно раздувая желваки, а на пальце правой руки крутил ключи от машины. Движения у него порывистые, дерганные, и от машины он отшагнул, как будто подпрыгивая. Увидев Юлю, он заинтригованно вскинул брови, жвачка перебралась из-за левой щеки за правую. И ключи переместились из одной руки в другую.

– Рома, ты приехал? – с заметной растерянностью спросил Леша.

– А ты не видишь?.. Кто это? – Глядя на него, парень повел головой в сторону Юли.

– Ну, мы учимся вместе... Юле домой надо, я хотел ее отвезти, а ты машину забрал.

– Куда отвезти?

– В Семирадье?

Рома окатил Юлю взглядом, как будто оценивал степень ее платежеспособности. Но брать он с нее, похоже, собирался натурой.

– Поехали!

– Да езжайте, – кивнула Юля.

И чуть ли не бегом направилась к дороге. С Лешей она бы еще поехала, но его брат казался ей слишком уж подозри-

тельным. Такой может завести куда угодно.

Но уйти ей от братьев не удалось. Она шла по улице к автостанции, когда машина остановилась вплотную к ней. Открылась дверь, сильные руки схватили Юлю и затащили в салон. Она даже крикнуть не успела.

* * *

Спору нет, дембель – это событие, достойное самого яркого салюта. И Дима его получил. Подствольная граната разорвалась на крыше блокпоста, считай, у него над ухом. А выходил он из укрытия как раз для того, чтобы ехать домой. И уехал. Сначала машиной, потом самолетом, и в поезде пришлось потрястись. Оглушило его здорово, до сих пор ощущение такое, как будто уши ватой забиты. А ведь уже почти два дня прошло. Но ничего, голова не кружится, тошноты нет, а вата вместе с водкой выйдет. Он уже, считай, дома, до родной деревни, то бишь села, рукой подать.

Автобус уже под парами, пора ехать. И водитель уже что-то говорит, обращаясь к нему в бравурном тоне, видимо, приглашает солдата занять место. Дима кивнул, отбросил в сторону сигарету, зашел в автобус.

Вид у него не героический. Медалей нет, значков кот наплакал, и форма галунами не обшита. Обычный новый камуфляж, кепка и берцы, начищенные дихлофосом. А главное украшение – голубая тельняшка. В десанте Дима, правда, не

служил, но повоевать и без того пришлось. Последние полгода безвылазно на блокпостах стояли. Мину вот душманскую под самый занавес принял, даже не слышно, что водитель сказал. И в салоне автобуса сейчас гомон стоит, но Дима улавливает лишь отдельные звуки. Но, может, оно и к лучшему?

Он сел на заднее сиденье рядом с какой-то толстухой. Лицо вроде бы знакомое, но Дима не стал напрягать память.

А толстуха его узнала. И что-то спросила, легонько толкнув локтем. А спросила она как раз на ухо, которое больше всего пострадало, и Дима не смог разобрать ее слов.

Толстуха снова что-то спросила, но Дима снова ничего не понял. И пальцем показал на ухо. В конце концов, он с войны возвращается, ему можно быть временно глухим.

– Ты что, контуженый?

На этот раз голос прозвучал куда громче. Дима скривился. Да, на этот раз он услышал вопрос, но лучше бы толстуха молчала.

– А я тебя знаю! Ты Дима Ивашов, сын Ольги Михайловны!

Все сиденья в автобусе были заняты, но Дима все-таки поднялся со своего места. Лучше пешком постоять, чем эту дуру выслушивать. Но толстуха встала рядом. Глаза у нее горят, губы мокрые. Похоже, баба не в себе.

– Ты за Юльку заступился! – не унималась она.

На них уже смотрели все, кто ехал в автобусе. Видно, тол-

стуха орала во всю глотку. Не будь Дима в форме, на него бы смотрели как на ущербного, а так вроде бы понимание в глазах у людей. Это на толстуху смотрят с осуждением.

– А Юлька сейчас таскается со всякими! Шлюха!

Дима не выдержал и резко глянул на толстую дуру. Наконец-то он ее узнал. Это Алька, которая в свое время доставала Юлю Савельеву. Мама директорство в школе принимала, она и попросила Диму вмешаться, одернуть Альку. И он заступился за бедную девчонку. А еще мама предупреждала, что шибанутая Алька могла рассказать Юле о той трагедии, которая произошла с ее родителями. И ведь рассказала. Юлю тогда понесло к реке, и ему пришлось с ней нянчиться.

Интересная она, эта девчонка Юля. Нежная, хрупкая, по-своему красивая. Но девчонка. Маленькая девчонка. Он, конечно же, не мог воспринимать ее тогда всерьез. Но Юля уже подросла, ей уже должно быть семнадцать. Интересно, какой она стала?.. Неужели вправду таскается?.. Глядя на Альку, трудно было поверить в это. Этой дуре соврать как два пальца...

– Что, не веришь? – разорялась Алька. – Да я своими глазами видела, как она с Коробовыми уехала. На машине! Их двое, а она одна!.. А она любит погорячей!

– Закрой рот! – не выдержал Дима.

Алька шарахнулась от него, но быстро взяла себя в руки.

– А я говорю тебе, что Юлька шлюха! – выпалила она.

Но тут же глянула куда-то в сторону. Дима проследил за

ее взглядом и увидел дядю Васю, который говорил ей что-то в возмущенном тоне. Никто не верил Альке, и это хорошо. К злым языкам нужно относиться с большими сомнениями.

Алька отцепилась от него, а вскоре освободилось место впереди. Дима закрыл глаза и задремал. Головокружения нет, тошнота не беспокоит, но все равно состояние не ахти. Может, устал с дороги. Да и пивка вчера в поезде лишку дернул.

Разбудил его водитель, легонько хлопнув по плечу:

– Вставай, солдатик, приехали!

Дима с удивлением глянул на него. Водитель не напрягал голосовые связки, а он его слышал без труда. Неужели «вата» из ушей «вывалилась»?

Автобус уже стоял на остановке, люди спокойно выходили из него. Обычно Дима, если ехал в Семирадье автобусом или попуткой, выходил в самом начале деревни, но раз уж проспал, то нечего на кого-то пенять.

Он вышел из автобуса и увидел синюю «семерку», которая на скорости выехала на главную сельскую площадь. Остановилась неподалеку от автобуса. Из машины порывисто, с недовольством во взгляде вышла красивая девушка.

Юля заметно изменилась: лицо стало чутьточку шире, черты оформились, углы округлились, но глаза остались теми же. Там не море в глазах, а целые океаны – яркие, глубокие. И фигура у Юли уже отнюдь не детская.

– Я же говорила, как последняя шлюха таскается! – заора-

ла на ухо Алька.

Дима чуть снова не оглох от этого противного вопля. Но в машине действительно сидели два парня, их можно было увидеть даже через тонированные окна. И Юля управляла свой сарафан так, как будто под ее подолом только что шарили мужские руки.

И по сторонам Юля не смотрела. А зачем искать взглядом кого-то, если она уже получила дневную дозу мужского внимания? Двойную дозу... Хотя, возможно, ей этого мало. Потому ее лицо и выражает недовольство... Зато парни получили все, что хотели, поэтому машина уже мчится в обратном направлении.

Если бы Алька не заорала, она бы, возможно, и не заметила Диму. А она увидела его, узнала и как будто озарилась изнутри. Ее лицо разгладилось, взгляд прояснился... Возможно, ей действительно было мало с городскими. А тут вдруг солдатик подвернулся – крепкий, сильный, голодный...

– Ну как, понравилось трахаться? – снова заорала Алька.

Юля метнула на нее полный беспомощного ужаса взгляд, но ничего не сказала. Она повернулась к Альке спиной и рванула прочь, как от огня.

– Шлюха!

Дима возмущенно глянул на Альку. Может, Юля и шлюха, но не этой же корове судить о том.

А Юля шла к своему дому, еще немного, и она исчезнет из виду. Диме нужно было в другую сторону, и он не собирал-

ся идти за Юлей, но вдруг почему-то оказался рядом с ней. Нагнал ее, как это однажды уже было, года три тому назад.

Юля шла молча, с застывшим лицом. Она не всхлипывала, не шмыгала носом, а по ее щекам катились слезы. И такое уже было...

Она вдруг остановилась, повернулась к Диме.

– Ты веришь Альке? – дрогнувшим от волнения голосом спросила она.

– Нет. – Он ответил четко, с заметным запозданием.

– Значит, веришь... Теперь все поверят. Ладно. – Что-то решив про себя, она зашагала прочь.

И снова Дима ее нагнал. Юля притягивала его к себе как будто магнитом.

– Не верь Альке! – не останавливаясь, с сарказмом в голосе сказала она. – Я не шлюха, и у тебя со мной ничего не получится!

– Да не верю я ей!

– Но надеешься... И эти тоже надеялись.

– Какие – эти?

Юля хотела ответить, но сама же осадила себя, махнув рукой.

– Те, которые тебя подвозили?

– Теперь вся деревня будет знать...

– О чем?

Юля снова остановилась, снова повернулась к нему:

– Не было ничего! И не надейся!.. И пошел ты к черту!

Не в силах сдержать обиду, Юля толкнула его в грудь и побежала к своему дому. Его по-прежнему тянуло к ней, но бежать вприпрыжку за вздорной девчонкой – нет уж, увольте.

Дима повернул к своему дому. С родителями надо повидаться, тост за возвращение поднять, а Юля никуда от него не денется. Тем более если она действительно шлюха...

* * *

Очередной экзамен на носу, конспекты читать надо, но нет настроения браться за учебу. Юля не плакала, но слезы могли хлынуть из глаз в любой момент. Она лежала на кровати и смотрела в потолок. Нельзя ей подниматься, нельзя выходить из комнаты. Нервы на пределе, злость закипает, как вода в чайнике, как бы крышку не сорвало. Вилы в сарае, и они достаточно острые, чтобы проткнуть Альку насквозь. И если она схватится за вилы, доберется до Альки, то этой сучке не жить.

Никто не поверил Альке, что Юля воровка. Не прижилась эта сплетня, ушла в землю, как молния в громоотвод. Но Алька пустила новый слух, и на этот раз «утка» залетела в каждый дом. Сегодня утром Юля была в магазине, она видела, как на нее смотрели, как шушукались.

Да, она сама в этом виновата. Не надо было ей выходить из машины Коробовых на остановке, у всех на виду. Но ведь

она же не знала, что Алька наплела людям. Оказывается, она уже успела рассказать, что Юля таскается с городскими, как последняя шлюха. Сказала, что на машинах с ними раскатывает. А тут, как на заказ, и машина появилась, и Юля из нее вышла, оправляя платье. И как теперь доказать, что ничего такого не было?

Да, Рома Коробов посадил своего брата за руль, да, он затащил Юлю в машину. Но так он даже не пытался приставать к ней. Как только она оказалась в машине, так он сразу же и разжал руки. И ни разу больше не прикоснулся. На речку, правда, они по пути в Семирадье заехали, но так Юля не купалась с ними. Даже из машины не выходила, чтобы ее никто не видел.

А увидели!.. И зачем она только на остановке вышла? Надо было до самого дома ехать.

И увидели ее люди, и поверила. Надо было видеть, какими глазами Дима смотрел на нее. Он точно поверил Альке. Потому что хотел верить. Он же из армии вернулся, ему бы пар сбросить, и если Юля шлюха, с ней будет легко и просто...

А он вернулся из армии. Такой видный, такой красивый. Не зря же Алька так взбудоражилась. Но так пусть он с Алькой и гуляет! Она же такая честная и непорочная...

За дверью слышались шаги. Бабушка вернулась. Юля поднялась, вышла в горницу. Устала бабушка после работы, накормить ее надо.

Бабушка сидела на стуле боком к столу, угрюмо смотрела

на Юлю.

– С кем ты там на машине каталась? – угрюмо спросила она.

– Однокурсник подвез.

– А второй кто был?

– Его брат.

– Люди видели.

– И что?.. Если бы Алька язык за зубами держала... – Юля махнула рукой.

Не было у нее желания продолжать разговор, да и горло вдруг перехватило.

– Да уж, язык Алька расплела... – кивнула бабушка.

Она вдруг поднялась, повернулась к иконе, с поклоном перекрестилась. Так она обычно делала, когда ее осеняли ну очень дурные мысли. Может, смерти Альке пожелала, да спохватилась.

– Прости меня, Господи, дуру грешную! – Бабушка снова перекрестилась, села, перевела дух. – И откуда только напасть взялась?

– Это не напасть, – думая об Альке, скривилась Юля. – Это чума.

– Да, только эта чума на наш дом... Тьфу-тьфу! – На этот раз бабушка отогнала нечистую силу, сплюнув через левое плечо.

В ней, как и во всякой деревенской жительнице, мирно и даже органично уживались православные каноны и языче-

ские предрассудки.

– Клим Александрович сегодня подъезжал, спрашивал, – вдруг сказала она.

– Кто? – не сразу сообразила Юля.

– Клим, говорю, подъезжал.

– Что, и до него слухи дошли?

– Так потому и спрашивал. Про Альку... Слухам он не верит, а с Алькой, сказал, поговорить надо. Совсем, говорит, сдурела баба.

– Он и в прошлый раз говорил, – усмехнулась Юля.

Клим так и не вмешался в их отношения с Алькой. Но и о себе он знать не давал. Может, он и знался с бабушкой, но Юле ни разу на глаза не показался.

– Значит, плохо говорил. А сейчас хорошо скажет.

– Не надо.

– Почему?

– А не хочу я за него замуж!

Юля показала бабушке спину и скрылась в своей комнате. Ей уже семнадцать, и она достаточно взрослая девушка, чтобы разбираться в нехитрых житейских мудростях. За все нужно платить. И если Клим поможет ей, он обязательно потребует за это плату, а она уже знала, что ему нужно.

* * *

Подъем в четыре утра, отбой в районе полуночи – тяжело,

но ничего не поделаешь. Страда, она потому так и называется, что приходится страдать. А страданье страданию рознь. В плену жить от страданий не хотелось, а здесь они только в удовольствие. Если, конечно, это не сердечные страдания. Клим уже знал, что это за маета такая. Юля подросла, расцвела, стала настоящей красавицей. И он понимал, что этот цветок расцвел не для него. Понимал, но старался об этом не думать. Да и некогда ему заикливаться на своей любви. Так, промелькнет мысль, ужалит в сердце, а сермяжный пот ее обратно в норку смое, и снова покой на душе. Относительный покой...

Клим подъехал к дому, спрыгнул из кабины трактора на землю, направился к умывальнику.

– Клим! – окликнул его из темноты женский голос.

Клим вздрогнул, напрягся, но понял, что этот голос не принадлежит Юле. У Клавдии Петровны голос такой же мягкий и певучий, как у внучки, но ему не хватает девичьей нежности. Загрубел с возрастом, а так очень похож...

Клим еще только собирался огораживать свой дом, одни только столбы стояли по периметру. Двор охранялся собакой, но Клавдия Петровна не первый раз приходит к хозяину – глуповатый Трезор уже не обращает на нее внимания. Не обратил и на этот раз.

Они поздоровались. Клавдия Петровна подошла к Климу, рукой коснулась плеча.

– Устал?

– Да так, немного...

– Я там тебе молока принесла, пирог с рыбой.

– Балуете вы меня, Клавдия Петровна, – улыбнулся он.

– А чего ж хорошего человека не побаловать?

– С Юлей что-то случилось?

Клавдия Петровна видела, какая смута у него на душе, и пользовалась этим, просила за внучку. Клим уже подходил к Алькиному отцу, говорил с ним. Виктор Лукич вроде бы все понял.

– Да у Альки язык что жало. Все никак не уймется... Ее однокурсник подвез, а она по всей деревне растрезвонила. Нехорошим словом назвала, – вздохнула женщина.

– Сделаю все, что смогу, – отозвался Клим.

Юля вошла в ту пору, когда от женихов отбоя нет. И любовью, даже самый заваленный паренек имел сто шансов к одному против Клим. И это нужно было понимать. Но он готов был заступаться за Юлю и с нулевыми шансами.

– Ты уж пожалуйста, а то я сказала Юле, что ты подъезжал, спрашивал.

– Я подъезжал? – нахмурился Клим.

Он очень любил Юлю, жизнь готов был отдать за нее, но самому напрашиваться на отношения?.. Слишком уж хорошо он знает себе цену, чтобы наглотаться.

– Но я же сказала!.. И Юля ждет, что ты поможешь.

– Помогу.

У Клим будто крылья за спиной выросли, а усталость как

рукой сняло. Юля ждет! Он нужен ей!.. Да он в лепешку расшибется!..

* * *

Клим выехал на перекресток и заглушил двигатель. И Горлову пришлось остановиться. Клим выбрался из трактора, направился к «ЗИЛу». И Виктор Лукич вышел из кабины. Стоит, напряженно смотрит на него.

Клим неторопливо подошел к нему, остановился.

– Виктор Лукич, я же просил, – медленно качая головой, обронил он.

– Что ты просил? – вскинулся мужик.

– С Алькой поговорить.

– Говорил!

– А метла все метет.

– А если она правду метет? – Виктор Лукич не отличался ростом и статью, может, и не мужичок-с-ноготок, но где-то рядом.

А хорохорился как матерый воробей.

– Неправда это, – качнул головой Клим.

– Но Алька говорит...

Клим ударил коротко, но точно в солнечное сплетение. Ударил и замер, глядя, как Горлов корчится от боли. Он умел бить так, что у жертвы возникало желание сдохнуть от боли.

– Клим, ты чего? – не в силах подняться с земли, прохри-

пел Горлов.

– Вставай. Убивать тебя буду.

– Как убивать?

– Нос тебе сломаю, кость в мозг войдет, – как о чем-то будничном спокойно рассказывал Клим.

А взгляд у него тяжелый, гнетущий. Клим нигде не учился подавлять волю одним взглядом, эта способность появилась у него после плена, после того, как он по трупам проложил себе путь на свободу. А сломать нос и убить он мог, этому его еще раньше научили.

– Да нет... – Горлов не хотел верить, что смерть так близка.

Но и не поверить не мог.

– Я же тебя предупреждал, – спокойно проговорил Клим.

– Я поговорю! Я поговорю с Алькой! Она больше не будет!..

Клим нехотя кивнул и повернулся к Горлову спиной. Да, он поверит ему, но в последний раз.

* * *

Если долго мучиться, что-нибудь получится. И ведь получилось же! Никто не хотел верить в Юлькину подлую змеиную сущность, но вода камень точит. Все-таки добила Алька своего. Ее «правда» пробила-таки толстую кожу всеобщего неверия.

– Я не знаю, что там у них в машине было! Знаю только, что Юлька сначала у Лешки в доме куролесила. И с ним, и с его братом. Это потом они уже в машину сели... Может, и в машине что-то было, не знаю. – Алька с деловитой неспешностью пожала плечами.

– А ты видела, как она к Лешке приходила? – спросила Римка, с которой Алька не очень-то дружила.

Она, вообще, мало с кем дружила. В школе верховодила, но после выпускного вдруг поняла, что подруг у нее нет. И в колледже она ни с кем не подружилась. Там ее побаивались, но дружбу никто не предлагал. Да она, в общем-то, и не хотела ни с кем дружить... Зато сейчас она в центре внимания. И все из-за Юльки. Даже Римка со своей роскошной косой до пояса приперлась. Красивая Римка баба, стройная, на Альку она смотрела обычно с пренебрежением. Да и сейчас усмешается, пытаясь уличить во лжи.

– Видела.

– И какой у Лешки дом? – не без ехидства спросила Римка.

– Большой. Белый.

Алька следила за Юлькой, видела, как Лешка Коробов подводил ее к своему дому.

– И все?

– Почему все? Там какой-то узор под окнами...

– Узор, – кивнула Римка.

– А ты откуда знаешь? – не удержалась от сарказма Алька.

– Ну знаю, и что? – нахмурилась Римка.

– Тебя там тоже того?..

Развить свою мысль Алька не успела. Мишка Лаптев кивком показал ей на грузовой «ЗИЛ», который остановился неподалеку. Из машины вышел Алькин отец – маленький, невзрачный и безобидный. Сегодня он был почему-то мрачнее тучи. И на Альку смотрел, как грозовая туча на землю.

Он подошел к завалинке, зло глянул на дочь.

– Про Юльку все врешь? – спросил он.

– Я? Вру? – возмутилась Алька.

Но отец глянул на нее так, что язык стал отниматься. Он пребывал сейчас в том редком для него настроении, когда ему лучше не перечить. Он опасен в гневе. Очень опасен. Однажды он самым натуральным образом привязал Альку к распилочным козлам и выпорол, как сидорову козу. И сейчас он мог поступить так же.

– Врешь!

– Конечно, врет! – расправив плечи, Римка ехидно зыркнула на Альку.

И пошла, покачивая бедрами. Алька завистливо глянула ей вслед и поплелась за отцом во двор.

Он завел Альку в дом, зажал в угол и придавил злым взглядом:

– Еще раз Юльку тронешь, я тебя собственными руками...

Он и впрямь поднял руку, растопылив пальцы. И внизу живота у Альки развязался какой-то горячий узелок. И по-

текли мысли. Действительно, а чего она привязалась к Юльке?

Глава 6

Автобус еще не подъехал, но люди уже подходят к остановке. И Юля здесь. Стоит в сторонке, придерживая пальцами наброшенную на плечи кофточку. Небо чистое, птицы поют, радуясь отличной погоде, но солнце пока еще робкое, а утренняя прохлада дает о себе знать.

Дима мог согреть девушку. Он на мотоцикле, она может сесть к нему на заднее сиденье, обнять его, прижаться.

Он подъехал к ней с шумом, с огоньком во взгляде.

– Привет! – весело подмигнул.

Но Юля смотрела на него с холодным выражением лица. Смотрела равнодушно. Хотя и можно было заметить интерес в ее глазах.

Он же помнил, как она посмотрела на него, когда вышла из «семерки». Дима определенно произвел на нее впечатление. А как иначе! Он молодой, удалой, собой недурен. Мало того, перспективный. Ему работу отличную в Подреченске предложили, администратором в кафе, зарплату обещают хорошую. Сегодня у него собеседование, а завтра уже, может, и на работу. Если возьмут. А как не взять, если на работу его позвала сама владелица кафе? Троюродная сестра матери давно уже в бизнесе, но за последние два года развернулась во всю ширь. И швейный цех у нее, и магазины, столовую возле рынка недавно купила, кафе из нее сделала.

Кафе большое, место людное, так что доход солидный. Ирина Павловна сама об этом рассказывала. Ей двадцать восемь лет, разница в возрасте не такая уж и большая. К тому же родственница – троюродная тетка, считай, седьмая вода на киселе.

– Чего не здороваешься? – спросил он, снимая с заднего сиденья второй шлем.

– Здравствуй, – сухо сказала Юлия.

– В техникум?

– В техникум.

– Экзамены?

– Экзамены.

– Ты человек или робот? – с улыбкой и как бы в шутку спросил он.

Но в его голосе прозвучала обида.

– Чего ты хочешь?

– Подвезти тебя хочу.

– Спасибо, не надо.

– Почему?

– Растрезвонишь потом. – Юлия едва заметно скривила губы.

– Я что, похож на свистобола?

– Уезжай.

– Ты что, обижаешься на меня?

Слух, который распустила Алька, разлетелся по всему селу, через печные трубы разлился по ушам. И Дима оказался

в числе первых, кто его подхватил. Но ведь он же видел, как Юля выходила из машины... Потом вроде бы сказали, что не было ничего такого. Юлю подвез однокурсник, а глупая Алька раздула из мухи слона. Но Дима поверил, и Юля это заметила. Потому и простить его не может.

– Нет, – покачала она головой. – Не обижаюсь. Но никуда с тобой не поеду.

– Обижаешься.

Он стал надевать на голову запасной шлем, забыв, что на нем уже основной. Один шлем стукнулся о другой. Стоящая неподалеку полнощекая девушка прыснула в кулак. К ней Дима и подъехал.

– До города подвезти? – спросил он, гипнотизируя ее взглядом.

Он знал, как покорять девчонок, как смотреть на них, разжижая их волю обаянием своего взгляда. С Юлей этот номер не прошел, а полнощекая с радостью запрыгнула в седло. И крепко прижалась к Диме у людей на глазах.

Указатель с названием села остался уже позади, когда она спросила:

– А почему ты не спрашиваешь, как меня зовут?

– Спросил.

– Катя меня зовут... А к Юльке ты зря подкатывал.

– Почему?

– Она у нас недотрога. К ней на хромой козе не подъедешь.

– Где это у вас?

– В колледже... Ни с кем не дружит, никого не хочет.

Дима промолчал, и она затихла, но через какое-то время брякнула:

– А я хочу!.. Ну, в смысле, дружить.

Но Дима продолжал молчать. Любовь и дружба есть результат стремления двух сторон. А его сторона молчала. Не нужна ему Катя. А за Юлю он бы поборолся.

* * *

Дима уехал, и стало еще холодней. Юля поежилась и надела кофточку в рукава. Может, зря она ему отказала. Сейчас бы ехала, прижимаясь к его спине. Это глаза у него холодные, а тело, должно быть, горячее.

А глаза у него действительно холодные. И это при том, что взгляд теплый. Странное сочетание, но что есть, то есть. Дима парень хороший, добрый. И внутренний стержень в нем, скорее всего, крепкий. Но шаткий. Ненадежный. Как легко он поверил в то, что Юля – шлюха... А ведь он поверил. И зачем он ей такой нужен?..

Автобус уже должен был появиться, но его нет и нет. А людей на остановке все больше. Как бы Алька со своим жалом не появилась.

Юля заметила синюю «семерку» со знакомой антенной дугой. Только окна закрыты, и музыки не слышно. Машина

выехала на площадь, сделала полукруг и остановилась рядом с Юлей. И тут же стала объектом пристального внимания. Автобус, похоже, сломался, второй рейс на носу, но народу будет не протолкнуться. И если есть возможность уехать на попутке, упускать ее люди не станут.

Пышнотелая Патрикеевна открыла дверь, сунула голову в салон, но водитель к этому времени уже вышел из машины. У него спрашивали, можно ли доехать до города, а он невозмутимо шел к Юле. На этот раз одет он был довольно прилично. Светлая рубашка, черные джинсы, начищенные до блеска туфли. И жвачку он не жевал, и ключи на пальце не крутил. Даже движения у него стали плавными, размеренными. И куда только вся дерганость делась?

– Сынок, до города возьмешь? – спросила Патрикеевна.

Рома кивнул, открыл заднюю дверь, но Патрикеевна рвалась вперед.

– Уважаемая, вы что, экзамены сегодня сдаете? – спросил он.

– Экзамены?! – Патрикеевна открыла рот от удивления.

– Впереди сегодня едут те, у кого экзамены.

Он подошел к Юле и с улыбкой спросил:

– Ты экзамены сегодня сдаешь?

– Сегодня.

– Тогда прошу! – Одной рукой он взял Юлю под локоток, другой открыл переднюю дверцу машины.

Но Юля заупрямилась. Не хотела она никуда ехать с чело-

веком, из-за которого ее фактически опозорили на всю деревню. Но в то же время у нее появилась отличная возможность показать, что у них с Ромой ничего нет. Люди в машину садятся, они все увидят, сделают выводы. К тому же в город надо было как-то добираться. И еще Алька могла появиться.

– Осталось одно место!

В машине уже сидели трое, но переднее место пока еще оставалось свободным. Но прытких на селе много, так что щелкать нежелательно. Именно об этом и говорил взгляд Ромы.

Он производил вполне благоприятное впечатление. К тому же он не был сволочью, и Юля в этом убедилась. Просто полудурок без царя в голове. Но полудурок мог остаться в прошлом.

Юля кивнула и села в машину. Но очень скоро пожалела об этом. Рома гнал как сумасшедший, не обращая внимания на рытвины и колдобины. На крутом повороте машину сильно занесло, она едва не вылетела в канаву. Только после этого Рома сбавил скорость, но только на чуть-чуть. Юля молчала, хотя ее так и подмывало осадить его. И он молчал, за всю дорогу слова не сказал. Разве что только с Патрикеевой время от времени перекидывался ничего не значащими фразами.

Он высадил всех на автостанции, от денег отказался. Юлю предложил довезти до колледжа.

– Ну, если ты не будешь гнать, как сумасшедший.

– Не буду. Я гнал, чтобы от этих поскорее избавиться, – он кивнул за плечо в сторону автостанции.

– Чем они тебе помешали?

– С тобой наедине побыть помешали.

– Что это на тебя вдруг нашло?

– Что нашло?

– Ну, приехал ни свет ни заря...

– По тебе соскучился, вот и приехал.

– А между нами что-то есть, чтобы ты соскучился? – усмехнулась она.

– Будет.

– Я так не думаю.

– А я знаю.

– А как же твой брат?

– Мой брат для тебя слишком маленький.

– Вообще-то мы с ним ровесники.

– Мужчина должен быть лет на семь-восемь старше женщины, – ничуть не сомневаясь в том, что говорит, ответил Рома.

Машина остановилась перед воротами, за которыми виднелось коричневое здание колледжа.

– Спасибо.

Юля открыла дверь, но Рома взял ее за руку. Мягко взял, но настойчиво.

– Я не договорил.

– Ну, хорошо. – Она снова закрыла дверь.

– Лешка еще не нагулялся, у него ветер в голове. А я нагулялся.

– И что?

– Если я женюсь, на сторону ходить точно не буду.

– Очень хорошо.

– Ты не пожалеешь.

– При чем здесь я?

– Я на тебе жениться хочу! – Рома сказал об этом с решительным видом, но смотрел он при этом почему-то в сторону.

– Очень смелое заявление, – усмехнулась она.

– Да, я такой.

– Очень смелое заявление от человека, который не так давно меня похитил.

– Ну, я же не думал, что так сильно западу на тебя. Ну, понравилась и понравилась... Знаешь, сколько у меня было таких!.. А ты особенная... И не тронул я тебя... Нормально же было. Привезли, уехали... Или ты в обиде?

– Мне уже пора.

На этот раз Рома не смог ее остановить.

Юля зашла в здание колледжа, поднялась на третий этаж и выглянула в окно. «Семерка» по-прежнему стояла у ворот. Что-то подсказывало, что Рома не уедет, пока она не сдаст экзамен. Но с территории колледжа можно было выйти через брешь в заборе, которой давно уже пользовались как запасной калиткой. А может, не стоит этого делать? Рома не так уж и плох – и на внешность, и на характер. Период дура-

кавалерия вдруг закончился, и парень решил взяться за ум. Взрослый парень. И, возможно, надежный... Почему бы не познакомиться с ним поближе. Глядишь, и понравится...

А как же Дима?.. Он, конечно, повел себя неправильно, но ведь он пытается исправить свою ошибку. Почему бы не дать ему шанс? Тем более он куда лучше Ромы...

* * *

Серьезный бизнес, офис в евростиле, «БМВ» пятой модели. Еще и роскошный дом в центре города. Хотел бы Дима так жить. Но, увы, он бедный родственник на смотринах у хозяйки жизни. Ирина глядела на него строго, придирчиво.

– Почему не в костюме?

По случаю возвращения из армии родители собрали родственников, Ирина приехала в числе первых. Не побрезговала скромным деревенским застольем, а самогон хлестала за милую душу. Тогда она была обычной бабой и болтала без умолку.

А сейчас перед ним самый настоящий босс в юбке. И костюм на ней деловой, наверняка фирма.

– Так не говорили... – растерянно пожал плечами Дима.

На «встречах» он держался с Тимьяновой гордо, независимо, а сейчас под ее начальственным взглядом вдруг оробел.

– А сам догадаться не мог? Администратор в кафе – это

фактически начальство. А начальство должно ходить в костюме.

– Ну, так собеседование же.

– А разве ты не хотел произвести на меня впечатление? – удивленно и даже с обидой в голосе спросила она.

– Хотел... И хочу.

– Так в чем же дело?

– Ну, я же на мотоцикле... На мотоцикле и в костюме?

– Мог бы форму надеть. В форме ты смотришься очень хорошо.

– Так я отслужил.

– Все только начинается... – Взгляд ее потеплел, на губах появилась улыбка. – Теперь ты будешь служить мне.

– Ну, хорошо.

– Не хорошо, а так точно. – Взгляд ее затуманился, как теплое болото под ранним холодным утром.

– Так точно.

– А чего ты такой напряженный, Дима? – усмехнулась она.

И растегнула третью сверху пуговицу на блузке под жакетом. Она давала понять, что и сама готова расслабиться. Похоже, ее и саму утомил официоз. В конце концов, они родственники, свои люди.

– Я напряженный?

– Ты не на войне, Дима.

– Ну, за свое место под солнцем нужно бороться.

– Это ты правильно сказал, – с восхищением во взгляде

проговорила она. – У нас тут своя война. За деньги. За статус... Ты вот хороший парень. Видный, красивый... Надеюсь, что умный... Кому такие люди не нужны? Мне, например, очень нужны...

– Ну, это хорошо... – кивнул он.

– Что хорошо? – Ирина подобралась, взгляд ее похолодел. И пальцы потянулись к нижней из незастегнутых пуговицек на блузке. – Я за тебя бороться не собираюсь. Пока что ты никто и зовут тебя никак. Бороться должен ты. За мое расположение. Тогда у тебя будет все... Ты готов к борьбе?

– Ну-у... да, готов.

– Мне нужен четкий ответ.

– Да, готов.

– Еще четче!

– Готов!

– Хорошо... Очень хорошо... Поехали, посмотрим, где ты будешь работать.

В кафе они пробыли до самого вечера. Ирина не просто показывала Диме производство, она задавала тон в работе, ускоряя вращение «шестеренок», одной из которых должен был стать он.

Освободились они только вечером. Даже поужинали в кафе, в кабинете директора, на место которого Дима вполне мог претендовать. Элеонора Викторовна – женщина в годах, специалист она хороший, но уже без огонька. А он молод, полон сил, энергии и желания расти. И работа, которую по-

казала ему Ирина, не такая уж сложная. Он обязательно покажет себя с лучшей стороны, и тогда его оценят по достоинству. Тогда за него будут бороться.

Из кафе они вышли в начале восьмого вечера.

– Завтра в семь утра ты должен быть здесь, – сказала Тимьянова.

Дима кивнул. Если нужно, он готов был остаться здесь на ночь.

– Костюм у тебя есть?

Он отрицательно мотнул головой.

– Был. Но я из него вырос.

– Да уж, вымахал ты, – окинув его взглядом, не без восхищения сказала она.

– В армии каши много ел.

– С бромом?

– Ну, может быть. Мы не замечали.

– А кому еще оборону крепить, как не вам... Есть у меня дома костюмчик, думаю, как раз твой размер, – сказала она. И немного подумав, спросила: – Тебя мама искать не будет, если ты задержишься?

– Да нет, – пожал плечами Дима.

В машину к Ирине Павловне он садился с таким чувством, будто она забирала его к себе на всю ночь. Но в десятом часу вечера он был уже в Семирадье. Костюм действительно нашелся, но на ночь Ирина оставлять Диму не стала. И к месту, где он оставил свой мотоцикл, его не повезла. Пришлось

идти пешком, к счастью, недалеко.

* * *

Автобус неторопливо выехал на площадь и недовольно, по-старчески чихнул трубой. Синяя «семерка» лихо обогнала его на повороте и, мигнув фарами, остановилась на том самом месте, которое собирался занять автобус. Толпа возмущенно зашумела.

Из машины показался Рома, как говорится, при параде, с букетом цветов. Он подошел к Юле, галантно поздоровался. Цветы она взяла, но щеку для поцелуя подставлять не стала. И от машины отказалась. Автобус посигналил, требуя освободить законное место. Если «семерка» сейчас не уберется, виноватой окажется Юля. Уж кому, как не ей, знать психологию деревенской толпы.

– Ну, хорошо! – выразив недовольство, со скрипом согласилась она.

И никто не глянул ей вслед косо. В деревне уже знали, что Рома – ее кавалер. И что между ними еще нет близких отношений. Хотя, конечно, кто-то мог думать и иначе.

И все-таки без претензий не обошлось.

– Ты меня позоришь, – сказала она, нюхая свежие, еще с утренней росой на бутонах, розы.

– Да ладно тебе, не в каменном веке живем.

– Много ты знаешь.

– Знаю. Подреченск – такая же деревня. И если девушка села к парню в машину, значит, она собирается за него замуж. Ну, так должно быть.

– Не собираюсь я за тебя замуж, – мотнула головой Юля.

Не ошиблась она в своем предположении. Она сдавала экзамены, а Рома ждал ее в машине. Но не дождался. Она ушла через пролом в заборе и спокойно уехала домой. Но сегодня снова экзамен, и Рома опять не упустил момент.

Лучше бы Дима подъехал. Возможно, Юля приняла бы его предложение и поехала бы в город с ним. Но Димы не было. Не появляется он, не ищет встречи. Видно, обиделся. Но так и у нее гордость есть. Не хочет – не надо... Хотя, конечно, на душе беспокойно. Но ведь сердце не сжимается от тоски.

Да, Дима лучший. Но лучший из тех, кого Юля знает. А в мире много мужчин, которые лучше, чем он. И скоро она отправится в этот мир. Повзрослеет, окончит колледж и уедет из района – в Москву. И уехать она должна свободной. Поэтому даже хорошо, что Дима не с ней...

– Ты просто еще не привыкла к этой мысли, – сказал Рома. – Ты должна привыкнуть, что станешь моей женой. Это будет нетрудно.

– Нетрудно?

– Сначала ты привыкнешь ко мне... Поехали, я покажу тебе свой магазин.

– Зачем?

- Я торгую автозапчастями. И резиной. Собираюсь открывать свой автосервис. Ну, шиномонтаж и все такое.
- Очень хорошо. Только меня это не интересует.
- Правильно, тебя должны интересовать деньги, которые я буду приносить в семью. А я буду их приносить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.